

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Landern 0.70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 16 (348)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, Bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359,84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

25 Августа 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Против фашизма, против войны! Воззвание РСИ.
Ф. Дан. Конгресс Коминтерна и рабочее единство.
А. Югов. Советская индустрия в 1935 году.
С. Шварц. Кризис политики рынка труда.
Б. Сапир. О пути к власти.
В Рабочем Социалистическом Интернационале.
По России: Понижение жизненного уровня рабочих и служащих.
Фед. этон: Ю. Грин. Что такое

социалистическая культура?
Их. — Симптомы брожения. — Дифференциация. — Коминтерн на повороте. — «Сам чорт ногу сломит!» — Вместо 21 условия — одно. — Запоздалое просветление. — Сталин — вот злоба дня! — Из вождей в «цари». — Тревога старых большевиков. — За что пострадал Енукидзе? — Сталин затмеваеет Ленина. — Фальсификация истории.
Издания, поступившие в редакцию.
Почтовый ящик.

ПРОТИВ ФАШИЗМА, ПРОТИВ ВОЙНЫ!

ВОЗЗВАНИЕ РСИ К РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН.

Муссолини заканчивает сосредоточение своих войск и с минуты на минуту готовится вторгнуться в Абиссинию. Война еще не началась, но госпитали уже переполнены больными, и уже оделись в траур многочисленные семьи.

В этот момент Рабочий Социалистический Интернационал призывает все свои секции неустанно, в свете текущих событий, разъяснять массам, что по самой природе своей, по неизбежным последствиям своей насильственной политики, фашизм — это война!

Три деспотические державы — Германия, Япония и Италия — являются угрозой всемирному миру. Военные приготовления Германии колеблют устой мира в Европе. Япония продолжает свой постыдный грабительский набег на Китай. А в это время Италия, скованная цепями рабства свой собственный народ, готовится, под предлогом отмены рабства в Абиссинии и попирая ногами с полдюжины торжественно подписанных ею договоров, начать цинично-откровенную завоевательную войну.

Но и в этот трагический час РСИ заявляет, что не следует отчаиваться в возможности сохранить мир. Наоборот, надо удвоить усилия, чтобы спасти его. РСИ ни в коем случае не может пассивно мириться с войною, даже если бы она оказалась путем к освобождению итальянского народа.

1. Интернационал призывает все примыкающие к нему партии использовать все имеющиеся в их распоряжении политические средства, чтобы заставить правительств выполнить долг, лежащий на них, как на членах Лиги Наций, вывести ее из состояния жалкого безволия, в каком она находится, и побудить ее:

а) сделать надлежащие выводы из предпринятого Муссолини наступления и, согласно категорическому указанию параграфа 11 пакта, принять необходимые меры для охраны мира, в частности — закрыть Суэцкий канал для воинских перевозок Италии;

б) организовать третейское разбирательство, которое не было бы жалкой комедией, подобно ныне действующей арбитражной комиссии, не имеющей права даже выяснять, на чьей территории имел место пограничный Уаль-Уальский инцидент;

в) обеспечить при всех условиях независимость Абиссинии и целостность ее территории, как к тому обязывает всех членов Лиги Наций параграф 10 пакта, и, сверх того, абсолютно не допускать раздела Абиссинии, пользующейся всеми правами члена Лиги Наций, на сферы влияния великих держав, равно как и протектората на нее какой-либо великой державы, хотя бы и под видом экономических и административных концессий.

2. Все секции Интернационала должны использовать имеющиеся в их распоряжении политические средства, чтобы положить конец скандальному положению, ко-

гда нападающий имеет возможность свободно пополнять свои запасы оружия и аммуниции, а государству, подвергнутому нападению, отказывают в самых необходимых средствах самозащиты.

С особою тщательностью должны секции следить за тем, чтобы фашистскому преступлению не оказывалось **никакой финансовой поддержки**. При том же демократическая и социалистическая Италия, Италия завтрашнего дня, уже заранее заявила, что не будет признавать никаких долгов, заключаемых Муссолини для подготовки и ведения преступной войны.

3. Примыкающая к РСИ партии призываются организовывать еще до 4 сентября **массовые манифестации против муссолиниевской войны** — в формах, наиболее подходящих по местным условиям.

4. РСИ уже вступило в **сношения с Международной Федерацией Профессиональных Союзов** для совместного изыскания способов, какими мировой пролетариат мог бы с успехом противодействовать войне.

Если же война все-таки вспыхнет, то РСИ, от имени рабочих всех стран, выражает надежду, что **трудящиеся Италии сумеют использовать вызванные войною потрясения, чтобы разбить на голову подлинного врага итальянского народа, — врага, который находится в Риме, а не в Адис-Абебе!**

РСИ шлет рабочим и крестьянам Италии, мобилизованным Муссолини для отправки в Африку, братский привет мирового пролетариата и говорит им: **«оружие, которое вручает вам фашизм, используйте против самих фашистских тиранов!»**

РСИ приветствует народы Абиссинии и все чувствующие себя с ними солидарными цветные народы вообще. РСИ надеется, что в союзе с пролетариатом всего мира им удастся порвать сковывающие их цепи феодализма, не сменяя своих собственных феодальных эксплуататоров на иностранных эксплуататоров капиталистических.

Наконец, Интернационал со всею серьезностью обращает внимание мирового пролетариата и всех сторонников мира на те глубокие и важные последствия, какие могут иметь для Европы всякая война Италии против Абиссинии, всякие уступки, сделанные Муссолини под давлением проводимой им мобилизации и несовместимые с сохранением независимости Абиссинии, всякая несостоятельность Лиги Наций перед лицом встающих перед нею задач, и на то поощрение, каким явилось бы все это для Гитлеровской Германии.

Призывая весь мир к **протесту против кровавой авантюры**, в которую Муссолини собирается свергнуть Италию, РСИ защищает не только права Абиссинии и действительные интересы итальянского народа, но и дело всесветного мира.

Ответственность за войну всей тяжестью своей пала бы на капиталистические классы и правительства и больше всего на западные великие державы, без которых Лига Наций никогда не сможет выполнять стоящие перед нею задачи. Перед лицом их несостоятельности Рабочий Социалистический Интернационал призывает рабочий класс сделать все, что в его силах, чтобы спасти мир!

КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА И РАБОЧЕЕ ЕДИНСТВО

Если взять те основные материалы, которые дал до сих пор 7-й конгресс Коминтерна и которые имеются в нашем распоряжении к моменту написания этой статьи, доклады Пика, Димитрова и Эрколи (в телеграфном изложении «Юманитэ») и резолюцию по первому из этих докладов, то нельзя не придти к заключению: от пресловутых «21 пункта», в свое время предопределивших и вот уже на полтора десятка лет закрепивших пагубный раскол классового движения международного пролетариата, не осталось буквально ничего. Одним взмахом руки они сброшены в мусорный ящик истории, как будто их никогда и не было, как будто не они были тем непроходимым барьером, который коммунизм воздвиг между собою и всеми другими отрядами классового рабочего движения, как будто не они лежали в основе всей той роковой политической и организационной тактики коммунизма, которая так много сделала для обесценивания рабочего класса и, наоборот, для усиления и облегчения победы фашизма в самом центре капиталистической Европы!

Но, вместе с основными положениями коммунизма, сформулированными в «21 пункте», выбрасывается за борт и вся эта тактика. Можно было бы наполнить целые страницы сопоставлением того, что говорилось по коренным вопросам политики, борьбы и организации пролетариата раньше и что говорится теперь. Но не будем напрасно ворошить прошлое: пусть оно мирно покоится в могиле, в которую его бесславно, без надгробного слова опустил 7-ой конгресс Коминтерна. И без такого сопоставления всякому, не забывшему историю последнего 15-летия, ясно, какой головокружительный, 180-градусный поворот совершает Коминтерн, когда отказывается от губительной идеи, будто фашизм, выкорчевывая последние остатки «буржуазной демократии», лишь расчищает дорогу пролетарскому «советизму», и от сваливания в одну фашистскую кучу всех без раз-

бора не-пролетарских партий и всех не-коммунистических организаций рабочего класса и, наоборот, зовёт коммунистов вместе с этими организациями и партиями «до последней капли крови» защищать демократическо-республиканский строй и все свободы; когда он призывает коммунистических рабочих содействовать образованию демократического правительства во Франции и лейбористского в Англии и поддерживать существующие социалистические или коалиционные правительства в Швеции, Норвегии, Дании и Чехословакии, не останавливаясь при случае и перед участием компартии в правительственной коалиции (Торрээ, Франция); когда он объявляет чистейшим «сектантством» попытку разрешать все политические проблемы повсеместным провозглашением единственного лозунга: «вся власть Советам!» и, наоборот, требует конкретизации политических задач применительно к конкретным экономическим, социальным и политическим условиям каждой отдельной страны; когда он провозглашает своей программой не только «единство действий» всех классовых рабочих организаций, профессиональных и политических, но и восстановление их организационного единства в национальном и интернациональном масштабе — не на основе признания коммунистической программы и «21 пункта», а на основе рабочей демократии и свободной борьбы мнений внутри единой организации (Лозовский); когда он предоставляет политическую автономию национальным секциям, оставляя за центральными инстанциями лишь функции общего идейного руководства и, следовательно, перестраивает все здание Коминтерна в духе тех основ, на которых организационно построен Интернационал Социалистический; и т. д., и т. д. — не говоря уже о коренном изменении всей внешне-политической ориентации коммунистического движения.

Как бы ни относиться к каждому из этих положений, провозглашенных конгрессом, их совокупность и еще

больше та мотивировка, которую они получили в докладах и выступлениях десятков ораторов, заставляет признать: перед нами полная и дейно-политическая ликвидация коммунизма, как обособленной и даже непримиримо враждебной всем другим ветви классового рабочего движения. Отныне и политически, и тактически, и организационно партии Коминтерна становятся принципиально на ту же самую почву, на которой стоят и действуют партии Социалистического Интернационала. Нужды нет, что они из этих принципов делают или будут делать свои специфические практические выводы, сохраняют или будут стараться проводить свои специфические взгляды на соотношение между демократией и социализмом, на диктатуру пролетариата, на советскую систему и другие, хотя бы очень важные и существенные вопросы: и внутри Социалистического Интернационала существуют различные и даже противоположные друг другу взгляды на такого рода вопросы. И нужды нет, что коммунисты уже заявляют свою уверенность, что именно их специфические взгляды получат преобладание в рамках объединенного движения, и свою решимость бороться за такое преобладание: это естественное и законное право всякого течения, верящего в свою правоту, и мы сами восприняли бы отвергаемое ныне конгрессом Коминтерна коммунистическое «сектанство» и разрушили бы основы своей собственной организации, если бы вдруг заявили, что для объединения классового рабочего движения недостаточно признания основных политических и организационных принципов этого движения и обеспечения свободы идейной борьбы во всем течении и оттенках мнений, стоящим на почве этих принципов, а необходима еще предварительно полная одноформенность взглядов всех участников движения. И если бы тот колоссальный поворот, который проделывает Коминтерн на своем конгрессе, оказался не словесным, а реальным, не временным зигзагом, а прочной переориентацией, то можно было бы сказать, что отныне всякие препятствия к скорейшему восстановлению единства классового рабочего движения устранены, что за идейной ликвидацией его должна незамедлительно последовать ликвидация его обособленного организационного существования.

Если подойти к этому вопросу с точки зрения серьезности перемены фронта теми действующими лицами, которые выступали на трибуне конгресса, то надо признать, что, несмотря на всю решительность и категоричность многих выступлений, впечатление от них остается довольно тягостным. Уже в прошлом номере «С. В.» т. Шифрин указал на полное отсутствие вдумчивой и открытой самокритики, без которой, казалось бы, столь радикальный разрыв со всем многолетним прошлым, столь коренной пересмотр всей политической и организационной практики по-просту немислим. На трибуне конгресса сменилось уже до сотни ораторов. Все это — люди генерального штаба Коминтерна, члены его Исполкома и Центральные Комитеты национальных партий, т. е. люди, сами проводившие и целиком ответственные за всю ту тактику, которая теперь сдается в архив, как исчадие сектанства. Но тщетно было бы искать в речах этих больших и малых «вождей» коммунизма хоть намек на те искания, борения, сомнения, через которые не может не пройти всякий, искренне переживающий тот громадный идейно-политический кризис, выражением которого являются решения 7-го конгресса. Нет, про ораторов, выступавших на конгрессе, никак не скажешь, что они «идут с боем» к новым берегам от привычных старых! В докладах и отдельных речах проскальзывает полемика с кем-то, попытка убедить кого-то, опроверг-

нуть чьи-то возражения, но оппонент остается невидимым, он скрывается где-то за закрытыми дверями или в низинах коммунистических масс. Выступающие же от имени этих масс «вожди» так же беспрекословно, так же «сто процентно», с таким же воодушевлением и пением Интернационала принимают единогласно новые истины, как вчера еще они принимали старые, диаметрально противоположные. Нет, это не мужественные революционные борцы, в новом познании исторической необходимости идейно и душевно выстрадавшие новые убеждения и потому готовые отныне служить им со всею страстью, — это политически вымуштрованная, обезволенная «серая скотинка», готовая в любой момент повернуться «кругом марш» — направо или налево, в зависимости от команды. И если могли бы еще быть сомнения, откуда идет эта команда, то конгресс сам в первый же день своих работ указал на командира, от имени «65 коммунистических партий» рабски преклонив колена перед «вождем, учителем и другом пролетариев и угнетенных всего мира», великим Сталиным и обязавшись «следовать его указаниям».

Нет нужды еще раз доказывать, что сталинские «указания» целиком определяются соображениями сталинской политики — прежде всего внешней, но и внутренней, так как между политикой внешней и внутренней не может быть разрыва, они по необходимости дополняют и продолжают друг друга. Этими соображениями продиктовано и очевидное стремление советского правительства «дистанцироваться» от Коминтерна. Великий Сталин заседал в президиуме конгресса, принимал приветствия и овации, но так до самого конца и не проронил с его трибуны ни одного слова. Все основные доклады делают иностранные коммунисты: немец Пик, болгарин Димитров, итальянец Эрколи; советские выступают лишь рядовыми ораторами в прениях. В председатели Коминтерна также намечается, очевидно, не советский коммунист: недаром же Мануильский уже провозгласил Димитрова «рулевым Коминтерна»! Трудно сомневаться, что советское правительство охотно бы перенесло самое местопребывание ИККИ из Москвы в какую-либо другую столицу, если бы нашлась страна, готовая оказать гостеприимство коммунистическому центру. И, наконец, можно с уверенностью предположить, что и вопрос о ликвидации обособленного организационного существования Коминтерна поставлен в порядок дня: правда, резолюция по докладу Пика говорит лишь об «единстве действий» в национальном и международном масштабе; о международном организационном единстве, притом без всяких «ультиматумов и предварительных условий», говорилось лишь по отношению к Профинтерну (Лозовский); но осуществление международного профессионального единства подрывает базу и политического раскола, о чем, впрочем, многие ораторы и прямо упоминали.

По существу, в проведении водораздела между Коминтерном и советским правительством — принимая во внимание террористически-диктаторский и все более эволюционирующий в сторону единодержавия характер этого правительства — нет ничего плохого. Наоборот, в наличных условиях разрыв или ослабление связи между Коминтерном и советским правительством, высвобождение коммунистического движения из прямого подчинения сталинской диктатуре могло бы лишь содействовать оздоровлению этого движения и органическому слиянию его с движением социалистическим. Но Сталин проводит видимую черту между своей диктатурой и Коминтерном, конечно, не для того, чтобы лишить себя этого мощного орудия воздействия на мировое рабочее движение и через него на политику каждой страны в отдельности и всех их в совокупности. Он себя

освобождает от тех стеснений, какие не раз уже налагала и еще могла бы наложить на него перед лицом капиталистических правительств, с которыми он вступает в сношения и соглашения, слишком тесная и очевидная связь его с организацией революционного пролетарского движения. Но ему, конечно, и в голову не приходит добровольно освободить эту организацию от стеснений, которые на нее налагает зависимость от его политики, и отказаться от использования ее в качестве орудия этой политики. Формы использования, быть может, придется изменить. Но суть должна остаться неизменной: «указания» Сталина должны по-прежнему быть законом. И мы видели, что тот генеральный штаб Коминтерна, который на словах провозглашает радикальный поворот всей политической и организационной тактики, заранее выражает «с энтузиазмом» согласие на это условие.

**

Но в таком случае перед всеми, кто сознает всемирно-исторические задачи восстановления рабочего единства и понимает, какое громадное значение для его осуществления может иметь на весь мир с трибуны конгресса возмещенное коренное изменение всей политической и организационной установки коммунистического движения, встает ряд серьезных проблем.

Святую истину изрек, конечно, Лозовский, когда, ратуя за воссоединение Профинтерна и МФПС, воскликнул, обращаясь к международной организации свободных профсоюзов: «неужели мы вместе сделаем меньше, чем каждый порознь?», и рисовал соблазнительную картину профсоюзного Интернационала, объединяющего «примерно 35 миллионов членов». Конечно, это — дух захватывающая перспектива, но — при одном условии: чтобы те 25 миллионов голосов, которые Профинтерн собирает бросить на чашу весов объединенного профсоюзного Интернационала, были свободными голосами,

свободным выражением мнений 25 миллионов свободно организованных и борющихся пролетариев, а не в 25 миллионов раз усиленным голосом одного Сталина, которым он будет на деле так же единолично, через своих подчиненных и агентов, вершить судьбы международного профдвижения, как владелец наиболее крупного «пакета акций» на деле, через подставных лиц, единолично вершит, в порядке якобы «большинства», судьбы акционерного предприятия.

Одного памятного заявления Сталина Лавалю достаточно, чтобы напомнить, какая смертельная опасность может грозить всему пролетарскому делу при перенесении методов Сталинского единодержавия на арену международного рабочего движения; как при этом революционно-пролетарская идея защиты СССР и активного отпора воинствующему фашизму может превратиться в вульгарнейший «социалпатриотизм» и подготовку «священного единения», а попытка направить назревающий анти-капиталистический бунт мелкой буржуазии города и деревни по руслу социалистически-пролетарской борьбы против капитализма — в стряпанье обыкновеннейшего правительства «левого блока», способного лишь обессилить и скомпрометтировать социализм. И разве в той агитации, которую, под знаменем «единого» и «народного» фронтов, ведут коммунисты во Франции, мало характерных черточек, уже сейчас напоминающих о полнейшей реальности этой опасности?

Само собою разумеется, что политическому движению международного пролетариата эта опасность грозит еще непосредственнее, чем профессиональному. И, поскольку последний конгресс Коминтерна ставит в порядок дня вопрос о международном «едином фронте» и даже о международном единстве, собственные, самые жизненные интересы международного рабочего движения не могут не под-

Что такое социалистическая культура? (К с'езду писателей).

Культура — это оформление того, что представляется людям и социальным группировкам данной эпохи жизненно необходимым и поэтому ценным. Интенсивность устремления к тем или иным благам зависит от того места, которое отводят им люди и группировки в своей оценке. Идею и художественное творчество воплощает эти устремления, поскольку пылкий разум и мятущая совесть могут себя свободно проявлять. Только в этом случае творчество жизненно и оплодотворяет жизнь. Поэтому неотъемлемой предпосылкой культурного развития является свобода личности осознавать и воплощать свою правду и действовать, руководясь лишь голосом своей совести. Где нет возможности протеста против действительности, ощущаемой как зло, во имя того, что представляется справедливостью и красотой, творчество иссыкает. Философия, литература и искусство мельчают. Невольно превращаясь в апологику существующего, они не волнуют умы и души, а лишь их развлекают, не будят совесть, а ее усыпляют.

История культуры — это история борьбы за свободу мысли и совести. Когда любовь к свободе, как насущной необходимости в повседневной жизни и в творчестве ее ценностей, царил в душах сильные смерти, она приводила революционеров на баррикады и обеспечивала бессмертие освободительным идеям. Боевой клич этого культурного наследия — гуманизм: полное освобождение личности от авторитета церкви и государства, девиз которого был в средние века: «чья власть, того и религия», как в нынешних диктатурах, и подчинение

государственного аппарата общественному контролю посредством неприкосновенных прав человека и гражданина. На этом фундаменте выросло все здание западно-европейской культуры и этой традицией дышет все ценное в ее творчестве. Культурное наследие живо лишь постольку, поскольку каждое поколение им живет. Его постоянное чудодейственное воскресение прекрасно изобразил на с'езде писателей Мальро, сказав: «Искусство, мысли, поэзия — все эти вековые мечты человечества нуждаются в нас, дабы воскреснуть и они воскресают, если мы нуждаемся в них, чтобы жить. Им нужна наша страсть, наша любовь. Они не мебельный инвентарь, который остается после покойника, а подобны теням, которые в античном аду жадно ждут живых. Хотим ли мы того или нет, мы их творим, постольку мы творим самих себя». Но так как творить себя можно лишь, имея право быть правдивым самим собой, то, как правильно подчеркнул Андрэ Жид в своем докладе о роли личности в творчестве, «врагами культуры являются все те, которые становятся апологетами лжи».

В этой обстановке и при такой постановке вопроса советские делегаты объявили Сталина паладином гуманизма, свободы и правды, а себя жрецами подлинной культуры. И во имя защиты культурного наследия подавляющее большинство присутствовавших иностранных писателей предпочло этот их возвышающий обман тьме низких истин. Таким образом к условной лжи буржуазной культуры, которую все ораторы с полным ос-

вести его вплотную к советской проблеме — не как к проблеме общей политики советского правительства или его диктаторски-террористических методов управления, а, прежде всего, как к проблеме советского рабочего движения и советской рабочей организации. Никакое серьезное и честное «единство действий» между двумя Интернационалами немислимо, если вне его остается рабочее движение и рабочая организация страны, которая на деле представляет собою 9/10 сил одного из Интернационалов и на 99/100 диктует ему его политику. Международное единство действий «только в капиталистических странах» есть, в лучшем случае, самообман, в худшем — сознательный обман, маневр, но и в том, и в другом случае оно грозило бы превращением международного единого фронта либо в слепое орудие Сталинской политики, либо в арсену жестокой борьбы, которая очень скоро взорвала бы его. Советское рабочее движение и советская рабочая организация должны стать органической составной частью международного единого фронта, чтобы сделать его способным выполнить те грандиозные задачи, которые ставит перед ним история. Это значит, что советская компартия и советские профсоюзы должны стать действительно самоуправляющимися организациями, что советское рабочее движение должно быть организовано на тех же самых принципах рабочей демократии, на которых, как только что так убедительно и с таким пафосом доказывали докладчики и ораторы на конгрессе Коминтерна, только и может быть основано «единство действий», а тем более организационное единство международного пролетарского движения.

Нет сомнения, что эта проблема теснейшим образом связана с общей проблемой эволюции большевистской диктатуры и ее взаимоотношений с классовым рабочим

движением вообще. К этой общей проблеме мы еще вернемся. Но сейчас, непосредственно, перед международным рабочим движением стоит именно проблема советского рабочего движения. На конгрессе Коминтерна ни один докладчик и ни один оратор не коснулся ее ни одним словом. Но это не причина, чтобы Социалистический Интернационал обходил ее молчанием. Замалчивать вопрос, который является вопросом жизни или смерти пролетарского единства — этого последнего оплота и последней надежды мирового пролетариата в борьбе против войны и фашизма, было бы преступлением. Его можно было отодвигать на задний план, пока речь шла об единстве действий лишь в национальных рамках. Он сам собою выдвигается на первое место, когда конгресс Коминтерна ставит в порядок дня вопрос об единстве международном.

Мы видели, что не от морально выработанного долготлетним «беспрекословным послушанием» генерального штаба Коминтерна (возможные исключения не в счет!) можно ждать упорной, последовательной и страстной работы над воссозданием международного пролетарского единства на им-же провозглашенных новых политических и организационных основаниях. Эту работу должен взять на себя Социалистический Интернационал. И никогда еще для его смелой инициативы в этом направлении не было более благоприятных условий. «Вожди» могут лукавить и хитрить и поворачиваться, как флюгера, по ветру, дующему с командных высот. Но за вождями стоят массы, которые мучительно, но и серьезно переживают идейный кризис, вызванный открывшимися перед их взором новыми историческими необходимостями, требующими разрыва с старым и диктующим поиски нового. Что бы ни думали сами вожди Коминтерна, для миллионов рабочих, тянувшихся к коммунистам, провозглашенные с трибуны конгресса новые

нованием бичевали, присоединилась условная ложь «социалистической культуры», олицетворяемой гуманизмом Сталина. Яркий пример того, что Генрик де-Ман метко назвал «проституированием идей», жертвами которого в данном случае стали и гуманизм, и социализм. Это дало «Правде» редкий случай дать своим читателям правдивое сообщение о том, как писатели на своем конгрессе в Париже объявили СССР «единственным барьером культуры и гуманизма против фашизма», и что-де на Советскую Россию обращены «взоры передовых людей всего мира, которым дорог подлинная культура, дорог свободный человек» (Пер. 25 июня).

Таким путем советские граждане узнали, что они свободные люди и что, по мнению тех же передовых людей, «Сталин — великий человеколюбец». В доказательство гуманизма Сталина его отечественные и иностранные барды приводили тот неопровержимый факт, что Сталин говорит о человеке. Но гуманизм-то требует, чтобы человек говорил о Сталине и только то, что он о нем искренне думает. Но именно это возбраняется человеку даже в Париже и даже на конгрессе писателей в «защиту свободы мысли и ее достоинства». Когда из уст Сальвемини и Мадлэн Паз прозвучал голос социалистической совести и правды, сталинские гуманисты устроили весьма некультурный и недостойный скандал. «Можно ли — увы — удивляться тому, — пишет французский социалистический журнал «Лэ Комба Марксист», — что советские делегаты, больше чиновники, чем писатели, и больше слуги, чем чиновники, всеми способами старались помешать Мадлэн Паз говорить?» Но затыкали рот мужественным ораторам, — нужно было иметь мужество, чтобы среди этих защитников куль-

туры сказать слово правды, — не только невольные московские, но и вольные иностранные слуги Сталина. И было отчего придти в ярость, когда напомнили о том, что ГПУ—двойник Гестапо, что Виктор Серж, в отличие от многих других отказавшийся написать требуемое «я не думаю того, что я думаю», совершил преступление, написав своим заграничным друзьям, что «когда нет ни свободы, ни правды, ни прав человека, нет социализма».

Стон советских мучеников за свободу мысли и достоинство личного убеждения, проникший на миг в зал конгресса, потонул в хоре песнопевцев социалистической культуры Сталина. В виду этого маскарада, разыгранного уже на европейской сцене при участии и весьма почтенных писателей, как Генрих Ман, Андрэ Жид, Мальро и некоторых других, возникает элементарный вопрос о том, что-же такое социалистическая культура?

Это — творчество новых форм жизни, новых человеческих отношений на основе полного раскрепощения личности от материального, политического и духовного гнета. Это — приоритет свободных коллективов над принудительным аппаратом государства, это — новый быт на основе социалистического представления о справедливости и человечности, добре и зле, праве и красоте. Когда эти представления не могут свободно оформляться, они не могут стать внутренним побуждением людей в их практической жизни. А без этого можно истребить всех капиталистов, уничтожить частную собственность, установить диктатуру над совестью каждого человека, и все же не только не добиться ни одного ростка социалистической культуры, но подавить всякое культурное творчество вообще. Ибо стимулом

слова, новые лозунги, новые идеи означают колоссальный переворот, громадный толчок работе мысли. Решительная инициатива Социалистического Интернационала в деле восстановления рабочего единства могла бы, как никогда, способствовать оформлению этого идейного брожения в новую идеологию, способную вновь сплотить распыленные отряды рабочего класса в могучую и несокрушимую силу.

Но было бы величайшей ошибкой думать, что инициатива эта может быть лишь чисто формальной, что Социалистическому Интернационалу достаточно выложить свои старые программы, формулы и догматы, рожденные совсем другой эпохой и зачастую успевшие уже превратиться в историческую окаменелость, и терпеливо ждать, пока идейное банкротство Коминтерна превратится в его организационный развал, а сбитые с толку и идейно дезориентированные коммунистические массы помаленьку вольются в социалистические партии. Такая «инициатива» могла бы, наоборот, лишь привести к возрождению Коминтерна, снова бросить массы в плен коммунистическим иллюзиям, снова, в самый критический момент истории, сделать их жертвами большевистского «использования». Нет! Новое время требует действительно новых слов. И для судеб пролетарского движения ничто не могло бы быть более роковым, чем если бы марксистский, демократический социализм предоставил хотя бы видимость монополии этих слов коммунистическому утопизму.

Ведь, не только коммунизм, но и социалдемократия потерпела в борьбе против фашизма тяжкое поражение. Не только коммунистические оценки мировой ситуации и исторических перспектив оказались ошибочными, но и социалдемократические. Не только коммунистическая тактика себя не оправдала, но и социалдемократическая не дала ожидавшихся результатов. Не только утопическому Коминтерну нужна поэтому беспощадная самокритика. Она еще больше нужна реалистическому, мар-

ксистскому, демократическому Социалистическому Интернационалу, потому в нем лежит будущность рабочего движения, потому что, если и он не сумеет стать вровень с великими историческими задачами мирового рабочего движения, то значит — на данном отрезке истории этому движению суждено пережить небывалое крушение. И только Социалистическому Интернационалу доступна такая самокритика, ибо он не знает командиров, ибо он построен на основе рабочей демократии, ибо свободная идейная борьба — его принцип.

Беспощадная самокритика, работа над своим собственным идейно-политическим обновлением и на этой основе смелая инициатива в деле восстановления рабочего единства — вот что нужно Социалистическому Интернационалу, чтобы сделать столь знаменательный поворот коммунистов в сторону его собственных принципов исходной точкой возрождения мощи пролетарского движения и его перехода в новое наступление и стать подлинным политическим руководителем и вдохновителем объединенного мирового пролетариата.

Ф. Дан.

L'Internationale et la Guerre

Thèses de Otto Bauer, Théodore Dan, Amédée Dunois et Jean Zyromski

préfacées par Fr. Adler et suivies d'une lettre de H. N. Brailsford

Sté d'Éditions "Nouveau Prométhée"

Paris 1935. Prix : frs 1.50

творчества во всех его проявлениях служит внутренне глубоко ощущаемая потребность изменить существующее во имя того, что сам считаешь должным, избавиться от того, что причиняет страдание. Но личная правда больше всего мешает жить там, где обязательны казенная правда и социальный заказ. Этот трагический конфликт и парализует духовное творчество в СССР. Даже Андрэ Жид счел нужным обратить внимание советских писателей на опасность, угрожающую советской литературе, которая до сих пор ограничивалась фотографией действительности, не дав «тех произведений, в которых писатель, опережая действительность, толкает ее вперед, открывая ей новые пути». Наивный дружеский совет, который навряд ли кто-либо рискнул дать русским писателям до войны на конгрессе международных писателей, опасаясь показаться невероятно смешным. Ибо несмотря даже на царскую цензуру, Толстой мог бросить царю в лицо свое «Не могу молчать», а при цензуре Сталина все обязаны говорить, что живут в лучшем из миров, и не может быть книг, открывающих «новые пути».

Именно невольное оскудение творчества новых ценностей духовной культуры при обесценении старых является основной причиной той всесторонней «некультурности», о которой так вопит теперь советская печать. Если на съезде писателей Сталин был наречен душеприказчиком литературного наследия Западной Европы, то реальная связь между советской и западно-европейской культурой рисуется советской печатью в следующем виде: «Сейчас в Сталинском районе легче всего научиться танцевать румбу. Рьяные поклонники западной «культуры» организовали множество танцклас-

сов. Тысячи молодых рабочих, техников, инженеров постигают искусство ритмического шарканья ногами. На заводе имени Фрунзе освоением этой западной культуры заняты около 600 молодых рабочих» (Ком. Правда от 28-го апреля). Но почему плевеи буржуазной культуры всходят на советской ниве? Объяснение находим в той же «Комсомольской Правде» (27 мая) в передовой «Важнейшие средства воспитания», в которой бичуются «существующая практика собраний, стандартные повестки дня, штатные докладчики, присяжные ораторы собраний, где голосование и резолюции есть лишь формальность... Острых и злободневных вопросов в повестках дня и квалифицированных докладчиков, способных с огоньком, горячо, страстно разговаривать с молодежью — вот чего не хватает нашим собраниям! Надо категорически отвергнуть попытки оживлять танцами комсомольские собрания, как это стали практиковать в некоторых организациях!»

Нет огонька у стандартных, монопольных воспитателей, а те, кто могли бы зажечь молодежь идейно, пробудить в ней творческие силы, вынуждены молчать. Злободневные вопросы за нее, как и за всю страну, решает «обожаемый вождь» и, скучая, она цепляется за тот продукт западной «культуры», который ей не запрещен, за румбу. Прометеев огонь и в жизни, и в литературе подменен электрическим током. Монопольная партия износила свой идейный багаж, и ВКП ныне щеголяет в его отрепьях, а полная невозможность свободного идейного творчества угашает дух. Насильно выкорчевали из душ традиционные социально-этические масштабы, закрывают все клапаны свободного творчества

СОВЕТСКАЯ ИНДУСТРИЯ В 1935 г.

Недавно опубликован отчет комиссариата тяжелой промышленности за первое полугодие 1935 года, который дает основание для некоторых очень важных выводов. Те положительные процессы, которые определились уже в прошлом году в развитии индустрии, в текущем году еще более расширились и окрепли.

Темпы роста почти всех отраслей тяжелой индустрии по-прежнему очень велики, и в целом по всей тяжелой индустрии наблюдается перевыполнение плана. За первое полугодие выработка идет с приростом в 25,3% вместо намеченного по плану прироста годичной продукции в 19,6%.

Выполнение плана идет равномернее, чем в прошлые годы, не «рывками», не «ударными кампаниями» к концу отчетных периодов, а постепенным ровным набиранием темпов: в первом квартале — 23,5%, во втором — 26% годового плана. Особенно существенно, что обычная до сих пор диспропорция в выполнении планов различными отраслями тяжелой индустрии, хотя и не ликвидирована, но постепенно уменьшается. В то время, как в период первой пятилетки между отраслями индустрии создавались громадные, дезорганизующие хозяйство, прорывы, сейчас важнейшие отрасли идут приблизительно в одном темпе в выполнении плана.

План первой пятилетки был выполнен по углю на 89,2%, по черной металлургии на 67,6%, а по общему машиностроению на 181,2%. Уже в 1934 году выполнение планов было несколько ровнее. В первое же полугодие текущего года большинство отраслей выполнили свои годовые планы лишь с небольшим отклонением от половины задания: электроэнергия — 49%, нефть — 42,2%, уголь — 45,4%, железная руда — 46,3%.

Новых — и образовалась пустота, а отсюда все «болезни быта», вся «некультурность». Именно быт, новый стиль жизни, является первым показателем созревания новой культуры. Поэтому ничто так не характерно для внутренней опустошенности в нынешнем СССР, как тот факт, что в быту по всей иерархической лестнице цепляются за эмблемы буржуазно-мещанского быта, за лже-культуру. Фрак для коммунистических буржуа, губная помада для работниц. И даже натыкаешься в печати на беседы рабочей молодежи на ту тему, должны ли только девушки, выбривать себе брови, или также и ребята.

Молодежь, особенно женская, беспомощно бьется над насущным вопросом «как жить», как «строить семью», которая наспех сколочена, ибо нет еще «более высокой свободы», т. е. личной ответственности, и не может она привиться ни в какой области при режиме чудовищной безответственности власть имущих. Правительственными циркулярами, приказывающими, «любить родителей», «заботиться о детях», «поднять воспитание детей» и т. п., новой семьи не создать. К счастью, нельзя окончательно убить искания. И выплывает уже порой вопрос о самом главном — «что такое добро и зло». Эти искания, основная предпосылка творчества всякой новой культуры, в СССР даны. В этом возможность ее будущего, как ни скованы творческие силы в настоящем. Перед лицом подобных исканий более чем когда либо уместен был бы призыв поэта «сейте разумное, доброе, вечное», но сеятелей нет на этой глубоко вспаханной революционной ниве или, вернее, нет им доступа к ней. Поэтому нет ростков социалистической культуры в СССР

чугун — 48%, вагоностроение — 44,6%, автостроение — 44,9%, паровозостроение — 53,6, тракторы — 54%, цемент — 45,4.

Арифметической точности тут конечно нет, да и быть не может. Но отклонения уже значительно меньшие и они не угрожают срывами, чугунным голодом, топливным голодом и пр. Нет ни больших отставаний, ни больших забеганий вперед. Небольшое отставание нефти и угля уже заставило НКТП принять всяческие меры кар и поощрений.

В отношении отдельных отраслей тяжелой индустрии производственный план начинает делаться деловой программой, что в значительной мере объясняется отказом от максималистских заданий, характерным для всего плана второй пятилетки. Благодаря этому новому обстоятельству производство топлива, металла и полуфабрикатов будет постепенно приспособляться к потребностям производства готовой продукции, и отдельные отрасли индустрии не будут друг друга взаимно дезорганизовывать. Это очень важное достижение!

Руководители индустрии в текущем году не ограничились привычной директивой: «набирать темпы и перевыполнять планы», они добились некоторых успехов и в повседневном управлении индустрией. Это проявилось, напр., в том факте, что особенно быстро увеличили свое производство в 1935 г. именно те отрасли, которым, исходя из интересов всего хозяйства, было дано повышенное задание. Так, напр., вагоностроение почти утроилось, паровозостроение увеличилось за год на 57%, с.-х. машиностроение на 54%, а выпуск суперфосфата на 71%.

Относительно устойчивые успехи в увеличении размеров производства позволили советской власти перене

и не может их быть, пока творческие устремления не могут свободно проявляться.

Те, для которых масштабом социалистической культуры в СССР являются тракторы, электростанции и бомбовозы собственного изделия, просто упускают из виду, что основной предпосылкой социалистической культуры является свободное, внутреннее перерождение людей в духе справедливости и человечности. Без такой вольной переоценки ценностей вся власть, вся национализация приводят только к перераспределению государственного пирога и материальных выгод, не избавляя нас ни на иоту ни от эксплуатации, ни от унижения человека, ни от неравенства, ни от одной язвы капиталистической цивилизации. Именно эту цивилизацию усиленно усваивает и осваивает СССР, в то время как диктатура сковывает творчество духовных ценностей новой культуры.

С техникой без человечности мир дошел до того варварства, в котором он ныне находится. Вандализм фашистов только потому возможен, что цивилизация убила культуру, внешние достижения — внутренние ценности. Национал-социалисты могут разрушить, как карточный домик, все вековое здание буржуазной культуры потому только, что она стала условной ложью и чужда этим цивилизованным варварам. Их достаточно и в остальном мире. Против зоологических страстей фашизма необходимо мобилизовать страсти человеческие, его глубоко ложным идеям надо противопоставить глубоко правдивые идеи социализма. Только единый фронт борцов, искренне воодушевленных этими идеями, может остановить нашествие вандалов. Поэтому те, кто из

сти центр своего внимания на область качественную. Были предприняты разнообразные меры для уменьшения размеров брака и улучшения качества производимой продукции. На предприятиях были введены особые комиссии по качеству, почти всем квалифицированным рабочим были произведены технические экзамены. Некоторые успехи в этой области достигнуты: размеры брака снизились, полезные сроки употребления продукции увеличились. Однако, еще и сейчас качество советской продукции, произведенной на новых, самых передовых станках и аппаратах, значительно ниже обычного средне-европейского.

Несомненные успехи достигнуты советской индустрией в области снижения себестоимости и в борьбе за рентабельность промышленных предприятий. Во все годы первой пятилетки, несмотря на строжайшие директивы, себестоимость продукции не снижалась, а повышалась. В 1934 г. тяжелая индустрия впервые снизила среднюю себестоимость на 4,5%. Она произвела все отчисления на амортизацию, уплатила налог с оборота, выполнила все свои обязательства в отношении государства и дала по всей индустрии свыше 600 млн. «прибыли». Но эта прибыль была лишь бухгалтерской, ибо, несмотря на прибыльность, большинство крупнейших заводов и фабрик получили миллиарды на «освоение» новых гигантов-предприятий. С начала 1935 года Орджоникидзе поставил перед руководителями тяжелой индустрии, как основную и важнейшую задачу: достижение рентабельности вверенных им предприятий. Если отвлечься от обычных для каждой советской кампании шумихи и соревнования, то следует признать, что предписанные наркомом НКТП конкретные мероприятия действительно были направлены к оздоровлению предприятий и к уменьшению накладных расходов. Можно также считать правильным тот основной принцип, который выдвинуло большинство директоров предприятий для достижения рентабельности: «ключ рентабельности в правильной организации зарплаты». Сейчас на большинстве предприятий тяжелой индустрии происходит реорганизация системы зарплаты, часто

встречая сильное сопротивление со стороны бюрократических советских и профессиональных органов. Некоторые успехи оказались уже достигнуты в первом полугодии 1935 г. Напр., коэффициент использования домен, прокатных агрегатов улучшился, производительность труда повысилась, ставки оплаты поставлены в большую зависимость от эффекта труда, устранены некоторые непроизводительные расходы. Благодаря этому ряд крупнейших заводов, во главе с Макеевским и Сталинградским, не только сумели обойтись без дотации на «освоение», но и дали действительную хотя и небольшую прибыль. Конечно, сам по себе тот факт, что несколько заводов принесли пару десятков миллионов рублей прибыли, не так уж важен при миллиардных ассигновках на тяжелую индустрию СССР. Но если борьба за рентабельность увенчается успехом, и доходность шахт, заводов и фабрик станет общим явлением, то это будет обстоятельством громадной важности и для оздоровления внутреннего режима самой индустрии, и для развития всего хозяйства СССР в целом.

Если в ближайшие годы государство сумеет свести свои дотации индустрии лишь к ассигновкам на новое капитальное строительство, т. е. сумеет ликвидировать миллиардные суммы, идущие сейчас на поддержку уже функционирующих предприятий, то размер средств, выкачиваемых из населения деревни и города существенно уменьшится, повысится покупательная способность потребителя и укрепится стоимость рубля.

Конечно, решающее значение имеет метод, которым советская власть будет осуществлять рентабельность предприятий. Монополисту-предпринимателю, — советскому государству, очень легко сделать производство чугуна, угля или тракторов не убыточным, даже ничего не реформируя в современном режиме хозяйства. Для этого достаточно строжайшей инструкцией повысить, соответственно заданию, отпускные цены на готовую продукцию и другой инструкцией сделать их обязательными для потребителя. Этот способ уже не раз

страха перед ними и вследствие собственного безверия коверкают социалистическую идею под Сталина соответственно надобностям политического сезона, притупляют самое ценное орудие в борьбе с мракобесием фашизма. Этот оппортунизм ведет в болото безидейности сталинизма, уже наводящего зеленую скуку даже на столь отцеженный комсомол.

В то самое время, как эта скучающая молодежь ищет гашиша в танцах и заражается бациллой хулиганства, в то время как народ вынужден безмолвствовать, «величайший вождь человечества» усиленно экспортирует свою беспринципность. Вручая Лавалю грамоту на потребу французского милитаризма, он преподносит Ромэн Роллану, Андре Жиду и всему сонму революционных писателей заповеди гуманизма и культуры. Он же ведет французских рабочих под лозунгом борьбы с фашизмом, защиты демократических свобод и прав человека в обетованную землю личной диктатуры московской марки, призванной задушить все свободы во имя советского социализма. Фигаро тут — Фигаро там, и хитросплетенная паутина условной лжи опутывает правду социализма и его совесть. Двойная мораль возводится в универсальный принцип. Яркой иллюстрацией этого служит тот факт, что на рабочих митингах единого фронта во Франции нельзя сказать слова критики о Сталине, что на конгрессе писателей в защиту культуры правдивое слово о царстве Сталина встречается улюлюканьем и скандалами. И вся трагедия рус-

ской революции была разыграна московским дирижером на парижской сцене в виде фарса культуры.

Но с ложью фашизма и буржуазной культуры нельзя бороться ложью во имя социалистической культуры. Социализм это не электрификация и учет, как учил Ленин, и не технические достижения Сталина. Освободившийся в вековой борьбе дух сотворил чудодейственную технику, которая ныне в руках цивилизованных варваров в виде антитезы поработает дух и человечность, и бомбовозы только ждут сигнала, чтобы начать истреблять само человечество. Миллионы людей во всем мире пылают ненавистью к обанкротившемуся капитализму, задача социалистов зажечь их искренней любовью к социалистической культуре, как к синтезу материально-технических достижений с человечностью, справедливостью и свободой. Это есть единственно верный путь борьбы с фашизмом за возрождение культуры. Без этого внутреннего устремления жертв капитализма к подлинной социалистической правде и без свободы творить новый уклад жизни на ее началах можно добиться в лучшем случае лишь перемены личного состава привилегированных и власть имущих и получить некий вариант капиталистической цивилизации под социалистической маской, как в СССР. Для творчества же социализма (его не «строят» на манер фабрик) необходимы социалисты, которым настолько ценны его идеи, что они готовы отстаивать их против кого-бы то ни было и не склонны наносить им удары ни правой, ни левой рукой.

Ю. Грин.

был испробован советской властью, и он, естественно, ничего не оздоровил во внутреннем строе хозяйства СССР. Такой метод лишь изменяет систему выкачивания средств из населения и варьирует размеры и направление дотаций. Но если, как это можно думать, руководители советского хозяйства решили сейчас добиваться рентабельности предприятия путем рационализации технических и организационных процессов, путем уменьшения себестоимости, путем устранения бесхозяйственности, то все мероприятия на этом пути могут действительно дать положительные результаты.

Требования рентабельности от предприятия, кроме того, лучше всяких комиссий советского контроля, создадут на самом предприятии условия хозяйственного ведения дела.

Однако, и здесь мы должны отметить некоторые тревожные явления. Короткая практика борьбы за рентабельность показала, что большинство руководителей предприятий пошли по линии наименьшего сопротивления: экономия производится раньше всего за счет рабочей силы. Стремление к «правильной организации зарплат» на практике свелось к установлению прогрессивной сдельщины, к широкому применению премий и к резкому увеличению размеров окладов технического персонала. В отношении же основной рабочей массы, как правило, наблюдается увеличение интенсивности труда и стремление к уменьшению числа подсобных рабочих. Очень характерно, что доклад НКТП намечает на третий квартал 1935 г. увеличение продукции на 33,6%, при увеличении числа рабочих всего на 8,2%.

Правильное стремление к оздоровлению хозяйственного строя предприятий, к сожалению, сопровождается нездоровым нажимом на элементарные потребности рабочего класса СССР.

Как и в прошлые годы очень скупо опубликованы данные об индустрии, работающей непосредственно на удовлетворение потребностей населения. Вместо отчетов наркоматов легкой и пищевой индустрии имеются лишь случайные данные. Известно лишь, что темп роста производства предметов широкого потребления за первое полугодие в два раза меньше, чем тяжелой индустрии, он равен лишь 13,2%, а по легкой индустрии даже 4,7%. Хлопчатобумажная и обувная промышленность за первое полугодие не выполнили намеченных планов. Даже имеющиеся скудные отчеты заставляют сделать вывод, что основная диспропорция советской индустрии: медленный рост производства предметов потребления, при гигантском росте тяжелой индустрии не устранена, несмотря на категорические обещания планов.

«Если будет у нас чугуна, будет у нас и ситец», говорили руководители советской индустрии в первые годы первой пятилетки. Но уже в 1932 г. Сталин выступил с речью, в которой утверждал, что успехи достигнутые в области производства «чугуна» позволяют начать осуществлять заботу о потребностях рабочего в платье, обуви и питании. Но и сейчас, в 1935 г., эта проблема еще не разрешена. Что может быть парадоксальнее того, что с текущего года в СССР разрешена свободная продажа населению чугуна и металлических изделий, а мануфактура, платье и обувь по-прежнему выдаются лишь по ордерам и числятся в числе остродефицитных товаров.

Сами официальные органы признают, что «в легкой индустрии низкий темп развертывания производства, низкая производительность труда... Косность и рутинность свели себе прочные гнезда в этой области... Недопустимый

консерватизм в вопросах техники... Безинициативность, неповоротливость...» («Правда» от 14 июля 35 года).

Производство предметов массового потребления развивается очень медленно, а по некоторым отраслям даже деградирует, особенно, если учесть рост населения страны. Чтобы не быть голословным, сравним количество продуктов годового производства, приходящееся на душу населения в 1913 и 1934 гг. При этом следует учесть, что с 1913 г. прошло свыше 20 лет, и потребности населения, встряхнутого революцией, значительно увеличились. Вот несколько цифр: в 1928 г. было произведено 2,9 млрд. метров хл.-бум. ткани, в 1929 г. — 3,3 млрд. метров, в 1934 г. — лишь 2,7 млрд. метров. При этом план на 1935 г. намечает изготовление лишь 2,8 млрд. метров. Таково же положение и в отношении других видов текстиля.

В 1913 г. на душу населения приходилось: хл.-бум. тканей 16,2, льняных — 1,43 и шерстяных — 0,67 метров. В 1934 г. приходилось соответственно 15,9, 0,91 и 0,43. В 1913 г. — сахару приходилось на душу населения 9,2 кгр., а бумаги — 2,3 кгр.; в 1934 г. сахару 8 кгр., а бумаги — 1,7 кгр.

Если принять во внимание, что за все годы войны и революции продуктов широкого потребления производилось очень мало, что ввоз этих товаров из границы совершенно прекращен, что кустарное производство обуви, полотна, мыла и пр. сейчас ликвидировано, то станет понятно почему сейчас так часто не удовлетворяются потребности населения. Неумелое и бесхозяйственное распределение дефективных товаров бюрократическим госаппаратом еще более увеличивает нужду населения в предметах широкого потребления.

Естественно, встает недоуменный вопрос: почему же, несмотря на все свои обещания, советская власть не расширяет производство отраслей легкой индустрии. Ведь эта задача не сложнее тех, которые были уже разрешены в СССР. Объяснение простое: потому что отстающие отрасли легкой индустрии для расширения своего производства требуют радикального обновления своего основного капитала потому что необходим ввоз хлопка, шерсти, кожи, жиров и т. п. продуктов относительно медленно увеличивающихся внутри страны. Для всего этого необходимы многие миллиарды рублей, которые можно достать лишь уменьшив размеры дотаций на тяжелую индустрию, т. е. уменьшив темпы ее роста. До сих пор советская власть на этот шаг не решалась. Мы писали уже не раз о том, что обещания Сталина были призрачны, поскольку львиная доля дотаций по-прежнему направлялась на нужды тяжелой индустрии. Итоги 1932, 1933, 1934 и первой половины 1935 гг. показали, что мы были правы.

Несмотря на приближение к концу уже второй пятилетки, удовлетворение потребностей трудящегося населения городов и деревень не только не увеличилось вдвое и втрое, как намечали планы, но, как мы показали выше, в некоторых отношениях даже ниже довоенного времени.

**

Ценою громадных жертв, очень напряженными и очень неэкономными путями СССР несомненно подходит к положительному завершению первого этапа индустриализации. СССР стал одной из самых крупных индустриальных стран. Конечно, когда советская статистика отмечает, что СССР стоит в Европе по производству чугуна на первом месте, по углю на втором месте и т. д., это носит лишь спортивный характер, удовлетворяющий национальную гордость советской молодежи. Экономически эти рекорды говорят очень мало. Несмотря на громад-

ные темпы роста производства, СССР еще очень отстал от крупных индустриальных стран по количеству производимой им продукции на душу населения.

Из-за недостатка места ограничимся лишь несколькими цифрами.

По электроэнергии СССР увеличил свою душевую продукцию по сравнению с 1913 г. почти в 10 раз, но и сейчас по числу произведенных киловаттчасов на душу населения он стоит далеко позади и крупных индустриальных стран, и таких небольших, но культурных стран, как, напр., Бельгия или Швеция. По угле СССР увеличил долю производства, приходящегося на душу населения, по сравнению с 1913 г. на 80%. Но и сейчас душевая доля в 6 раз меньше, чем в САСШ, в 10 раз меньше, чем в Англии, во много раз меньше, чем во Франции, Германии, Японии и целом ряде других стран. По чугуну СССР увеличил душевую долю производства вдвое, но и сейчас эта доля ниже в 2½ и 2 раза Англии, Франции, Америки, в 5 раз — Бельгии и т. д.

Но если отбросить ненужную похвалу, то всякий беспристрастный наблюдатель советской экономики должен будет признать, что Россия за годы пятилетки проделала громадный, беспрецедентный путь в направлении

индустриализации. И если она еще далеко не догнала передовые индустриальные страны, то уже сейчас ее удельное значение в мировой промышленности очень велико и по абсолютным, и по относительным цифрам. Старой, отсталой России, с ее индустрией, зависящей от иностранного ввоза машин и полуфабрикатов и сырья, больше уже не существует. Гигантски велики уже достигнутые результаты, но обновление основного капитала индустрии создало предпосылки для быстрого развития индустрии и впредь. Можно только удивляться близорукости тех эмигрантских журналов, которые еще и сейчас на своих страницах продолжают дискуссии на тему, может ли развиваться хозяйство в условиях советской диктатуры*), вместо того, чтобы изучать конкретную советскую действительность, уже давшую на этот вопрос ясный, положительный ответ, и вместо того, чтобы осознать те новые хозяйственные условия, в которых живет и борется после индустриализации трудящееся население России.

А. Югов.

*) См. журнал «Совр. Зап.», № 58, 1935 г., примечание редакции к статье Юрьевского «СССР на путях эволюции».

КРИЗИС ПОЛИТИКИ РЫНКА ТРУДА

Вопросы политики труда давно уже загнаны на задворки советской жизни. Посвященные им журналы либо умерли от злокачественного малокровия, либо влачат жалкое существование. Профессиональная пресса — и в этом отношении «руководящий» орган профдвижения «Труд» отнюдь не составляет исключения — питается и питает читателей ежедневной «вермишелью» и давно уже отказалась от сколько-нибудь серьезного обсуждения вопросов труда. Статистика труда, в первое десятилетие советского режима получившая у нас значительное развитие, давно признана роскошью, ненужной и, повидимому, неудобной. И разве лишь хозяйственная пресса, в меру своих потребностей, время от времени пытается серьезно обсуждать ту или иную проблему политики труда.

Между тем все знание советской рабочей политики по кусочкам переделывается, превращаясь по-немногу в запутанный лабиринт, в котором нередко теряются и опытные советские законники. А многократные постановления о разработке новой редакции Кодекса законов о труде (не перерабатывавшегося с 1922 года!) и о систематизации и редакционном упрощении советского права остаются на бумаге и, кажется, никем уже не берутся всерьез.

Примитивно эмпирическое и принципиально непродуманное законодательное и административное социально-политическое «творчество» особенно разрушительно сказалось в области политики рынка труда. В основе советской политики рынка труда в течение более десяти лет лежал принцип обязательности найма через биржи труда. В Западной Европе рабочие организации отстаивают обязательность найма через биржи труда в качестве руководящего принципа политики рынка труда. При широком развитии профессионального движения, пользующегося действительной свободой и независимостью, и при активном участии профсоюзов в управлении биржами труда и в контроле за трудовым наймом обязательность найма через биржи труда обеспечивает рабочих от произвола работодателей при подборе рабочих и является гарантией против использования работодателями нужды и темноты наиболее отсталых слоев рабочих для понижения уровня за-

работной платы и ухудшения условий труда. При этом молчаливо предполагается, что на рынке труда имеется больший или меньший избыток предложения труда, обеспечивающий работодателям свободу выбора при найме рабочих. В Советском Союзе (сохраним для краткости этот термин и для первых лет советского режима) обязательный найм через биржи труда никогда такого значения не имел: ни союзы не пользовались и не пользуются в СССР той свободой и независимостью, без которых «защитная» роль обязательности найма через биржи труда чрезвычайно суживается; ни работодатели (т. е. прежде всего государственные предприятия и учреждения) не располагали и не располагают такой свободой в деле установления норм оплаты труда, которая открыла бы пред ними возможность использовать вольный найм для понижения жизненного уровня рабочих. К тому же обязательность найма через биржи труда, формально провозглашенная у нас в конце 1917 г. в подражание наиболее прогрессивным социально-политическим идеям Запада, фактически была осуществлена лишь несколько позднее, когда под влиянием массового бегства рабочих из городов избыток рабочей силы на рынке труда резко пошел на убыль и вскоре сменился недостатком рабочих. Введение обязательного найма через биржи труда явилось фактически в этот период не мерой защиты интересов рабочих, а средством лишить рабочих, ищущих труда, последних остатков свободы распоряжения своей рабочей силой и подготовительным шагом к введению трудовой повинности. Не приходится удивляться, что обязательный найм через биржи труда ощущался в годы военного коммунизма широкими кругами рабочих и служащих, как мероприятие крайне стеснительное и ни в какой мере их положение не улучшающее.

В годы нэп'а, с появлением вновь видимой безработицы, отрицательная роль обязательности найма через биржи труда быстро сгладилась. К обязательному найму привыкли, жесткий характер системы обязательного найма постепенно сгладился и она, и не выполняя защитных задач, из-за которых за систему обязательного найма борются рабочие организации Запада, стала у нас

по-немногу основной предпосылкой упорядочения и организации рынка труда.

С переходом к политике генеральной линии самые основы сложившейся организации рынка труда были постепенно разрушены. Система трудового посредничества, при которой для трудящихся сохранялась, хотя бы в скромных рамках, возможность свободного распоряжения своей рабочей силой, начала постепенно вытесняться системой принудительного распределения рабочей силы, и руководителями советской рабочей политики вновь — как в апогей военного коммунизма — замаячила мысль о принудительном распределении не только незанятых рабочих и служащих, но и о принудительном перераспределении рабочей силы уже занятой в народном хозяйстве. В конце 1930 г. уже и самое название «биржи труда» было упразднено и заменено «управлениями кадров», задачей которых должно было быть основанное на идее плана — в противоположность идее рынка труда — «снабжение народного хозяйства рабочей силой».

Упразднение бирж труда оказалось однако на практике не шагом вперед — к плановому распределению рабочей силы, а шагом назад — к бесплановому хаосу. «Управления кадров» умерли, не успевши расцвести, не удостоившись, кажется, хотя бы формального постановления об их упразднении. И политика рынка труда (сохраним условно этот не вполне безупречный термин) свелась фактически к развязыванию инициативы хозяйственных органов, самостоятельно — без прямого участия органов труда («управлений кадров») — нанимающих рабочих и служащих. Инициатива эта поощрялась сначала в порядке изъятий из общего правила об обязательном найме через органы труда, изъятий, устанавливавшихся для определенных предприятий и отраслей труда. Но вскоре эта практика была обобщена, и в сентябре 1931 г. обязательность при найме рабочих и служащих обращения в органы труда была полностью упразднена; регулирование найма свелось в последние годы в основном лишь к приписке хозорганов к определенным районам вербовки и к установлению общих правил о вербовке. Впрочем и на правила эти, и на распоряжения о приписке к районам вербовки мало кто обращал сколько-нибудь серьезное внимание.

Результаты этой политики оказались крайне плачевны. В последнее время это, повидимому, начинают сознавать и в руководящих советских кругах и ощупно пытаются найти выход из создавшегося положения. Попытки эти, как это ни неожиданно, совершаются одновременно в двух прямо противоположных направлениях: с одной стороны, вновь возрождаются — правда, в крайне примитивной форме — органы трудового посредничества; с другой стороны, кое-где усиливается тенденция к превращению вербовки рабочих в систему принудительного найма в законченном виде.

1-го апреля «Правда» сообщила об открытии в Москве 105 «справочных бюро» (какое стыдливо скромное название!), которые «будут выдавать справки лицам, ищущим работы, о свободных вакансиях на предприятиях и учреждениях». В свою очередь и предприятия и учреждения «посылают в дирекцию Мосгорсправки сведения о потребности в рабочей силе» (об обязательности такого обращения в «Мосгорсправку» нет, конечно, пока и речи)). Деятельность этих «справочных бюро» носит пока очень скромный характер и пресса хранит о них почти полное молчание. Все же недавно промелькнуло сообщение, что за первые три месяца своей работы (апрель-июнь) московские справочные бюро послали на работу 39.739 рабочих и служащих, из которых 31.655 человек были приняты на работу («Правда» от 20-го июля). Для начала это уже немало.

Но это только начало. 10-го июня под скромным названием «Информация о труде» в «За Индустриализацию» появилась статья, ставящая уже общий вопрос о восстановлении организации трудового посредничества. Статья написана чрезвычайно осторожно (одно название чего стоит!), исходит из опыта одного лишь Харькова, но это, явно, лишь прикрытые: не решаясь поставить открыто вопрос в полном объеме, редакция пускает пробный шар. — Автор статьи отмечает «новое для Харькова явление»: в профессиональных союзах все чаще толкуются «ищущие работы»: «...Повышается производительность труда, и некоторые предприятия вынуждены высвобождать лишних людей. Харьковский тракторный завод за последний год освободил примерно полторы тысячи человек. Несколько уменьшает число рабочих и Харьковский электромеханический завод». Квалифицированные рабочие обычно быстро подучают работу, но неквалифицированные и полу-квалифицированные нередко остаются за бортом и, не зная, куда обратиться за работой, идут в союз.

Объективных оснований для возникновения и роста безработицы, по мнению автора статьи, еще нет (кстати, он даже не решается употребить слово «безработица» и говорит лишь об «ищущих работы»). При наличии развитой системы трудового посредничества (по новой трусливой терминологии: «информации о труде») все освобождающиеся рабочие могли бы найти работу, так как потребность в них где-либо да имеется. Поэтому «сейчас в Харькове подумывают об организации своего рода бюро справок, которое будет давать справки о спросе в пределах города Харькова. Но это, конечно, полумера. Нужно организовать культурную, грамотную информацию о спросе на труд и не только в пределах Харькова. В каждом крупном промышленном центре нужно организовать учет требований в рабочей силе, служащих, специалистов не только этого города, но и для других районов»...

Правда, этот голос раздался одиноко. Но вот через полтора месяца «За Индустриализацию» вновь возвращается к этому вопросу — в более узких рамках — и констатирует, что «сейчас уже, очевидно, назрела необходимость организовать оперативную информацию об инженерном труде» («За Индустриализацию» от 29-го июля).

Но одновременно в других областях народного хозяйства, страдающих от недостатка в рабочей силе, наблюдаются совсем иные тенденции. Экономическая печать горячо обсуждает в последние месяцы вопросы вербовки рабочих. Имеющемуся уже опыту по вербовке дается при этом очень суровая оценка: вербовка обходится дорого и результаты ее неудовлетворительны. За один лишь 1934 г. основные отрасли, привлекающие рабочих по вербовке (строительство, промышленность строительных материалов, погрузочно-разгрузочные работы, транспорт, лесозаготовки, сплав, торфяная промышленность) израсходовали на вербовку по одной лишь Ленинградской области 19,5 миллионов рублей; вербовка одного рабочего обошлась в среднем по каждой из перечисленных отраслей от 80 до 120 рублей, львиная доля которых была съедена вербовочным аппаратом («За Индустриализацию» от 29-го мая). На постройке Камской гидроэлектростанции картина еще безотраднее: вербовка и доставка каждого завербованного обходится строительству в среднем в 150 рублей; но завербованные, чувствуя себя обманутыми в своих ожиданиях, вскоре разбегаются, и каждый из них в среднем работает на стройке лишь около 50 дней («За Индустриализацию» от 15-го июня), т. е. вербовка означает в среднем накладной расход в 3 рубля на рабочий день! Районные организации мест вербовки и правления колхозов, жалуется га-

зета, материально заинтересованные в заключении максимального числа договоров по вербовке, «прямо поощряют самосбежавших и охотно посылают их после возвращения на другие стройки».

Что же делать? Устранить причины, вызывающие уход на вербованных, создать для них сносные условия существования? Улита едет, когда-то будет. И мысль наших хозяйственников работает нередко совсем в ином направлении:

«Как быть дальше?», спрашивает «За Индустриализацию» (от 29-го мая): «Как положить конец ежегодной непроизводительной трате огромных средств на вербовку?»

Возьмем лесозаготовки. Совершенно очевидно, что надо коренным образом реорганизовать всю систему обеспечения лесозаготовок рабочей силой. Провести это возможно так. В начале каждого года в производственный план колхоза, наряду со всеми сельско-хозяйственными работами, включается объем лесозаготовок, передаваемый по договору данному колхозу. При этом выполнение лесозаготовительных работ отдельными колхозниками и колхозом в целом должно быть столь же обязательно, как и выполнение всех с.-х. работ».

Для прочих отраслей хозяйства, прибегающих к массовой вербовке рабочих, «За Индустриализацию» не решается прямо рекомендовать такую законченную систему принудительного труда и лишь осторожно говорит о необходимости «перейти к системе длительного закрепления сельсоветов и колхозов за отдельными хозяйственными организациями». Но текст статьи не оставляет никаких сомнений относительно того, что это «длительное закрепление» должно носить строго принудительный характер.

Наивная уверенность в возможности мерами грубого насилия справляться со всеми хозяйственными трудно-

стями еще глубоко сидит в головах многих «ответственных» работников*).

Противоречивые тенденции в развитии политики рынка труда являются выражением различных интересов отдельных отраслей народного хозяйства, как они отражаются в сознании руководящих хозяйственных работников. В отраслях народного хозяйства, в общем насыщенных рабочей силой и подумывающих даже о ее сокращении, по-немногу пробуждается вновь сознание необходимости «культурной» (по модному в настоящее время словечку) организации трудового посредничества. В тех же отраслях народного хозяйства, которые остро испытывают недостаток в рабочих, по-прежнему сильна и кое-где даже усиливается склонность к укреплению и расширению системы принудительной вербовки рабочих.

Столкновение этих противоречивых тенденций явно начинает волновать хозяйственную прессу. И только профсоюзная печать пытается просто не замечать встающих здесь больших вопросов. Между тем вопросы эти имеют для рабочих масс громадное значение, и сознательным и активным элементам рабочего класса тут есть над чем призадуматься.

К этим вопросам мы еще вернемся.

С. Шварц.

*) В провинции иной раз происходят на этой почве совсем чудовищные вещи. Так, недавно сообщалось, что Кличевские (в Белоруссии) районные организации, по соглашению с местным военным комиссаром, провели военную мобилизацию колхозников для работы в местных промышленных предприятиях («Социалистическое Земледелие» от 29-го июля). Конечно, им попадет за «головотяпство», но не в этом дело; характерна та психология, на почве которой такое головотяпство только и возможно.

О ПУТИ К ВЛАСТИ*)

Успешная борьба за власть является искусством, заключающим в себе в конечном счете нечто иррациональное и несводимое ни к каким формулам. Но подобно тому, как всякое искусство предполагает известную сумму познаний, ведение борьбы за власть требует изучения основных элементов общественного развития.

1. Революция и переворот

События последних лет, преобразившие лик ряда европейских государств, имели своим источником не революции, а перевороты. Революция — процесс стихийный, созревающий незаметно в толще народной жизни и прорывающийся внезапно наружу (февраль 1917 г. в России), иногда даже против воли его будущих возглавителей (ноябрьская революция 1918 г. в Германии). Переворот же — результат планомерной, сознательно подготовленной деятельности. Как ни различны по своему характеру революция и переворот, их последствия могут быть одинаково глубокими в истории страны.

1789 год во Франции был революцией. Революцией был и февраль 1917 г. в России. Захват же власти большевиками был переворотом точно так же, как т. н. поход Муссолини на Рим и овладение национал-социалистами имперским правительством в 1933 г.

В то время как революция возникает из низов, выбивает из строя и, в случае успешности, разрушает старый аппарат власти, переворот либо пользуется до-

брожелательным нейтралитетом, либо совершается при прямом попустительстве бюрократии, армии и полиции. Октябрьский переворот ничем не отличается в этом смысле от переворотов, имевших место в 1922 г. в Италии и в 1933 г. в Германии. Влияние большевиков в Советах, являвшихся составной и наиболее важной частью государственного аппарата революционной России, равноценно содействию, оказанному Муссолини и Гитлеру бюрократами всех ведомств. Полное бездействие Временного Правительства, взорвавшего в какой-то для нашего поколения, выросшего в условиях послевоенного времени, непонятной пассивностью на подготовку собственного свержения, являлось по своим объективным результатам тем же пособничеством, которое, сознательно или невольно, оказали фашистам Факта и Брюннинг. Наконец, связанность партии Ленина с разлагавшейся русской армией, с точки зрения содействия осуществлению переворота, вполне соответствовала контакту чернорубашечников Муссолини и штурмовых дружин Гитлера с генералитетом и офицерством итальянской и германской армий.

Революция отличается от переворота еще одним обстоятельством. Исторический опыт нашего столетия говорит, что революции имеют место преимущественно в странах авторитарных (Германия и Австрия в 1918 г., февраль 1917 г.), перевороты же в странах демократических (Италия 1922 г., октябрь 1917 г., Германия 1933 г.). Мы далеки от желания установить какие бы то ни было законы исторического развития. Существование подобных законов — в лучшем случае рабочая гипотеза. Все же для практической политики важно знать эмпирические факты. Ибо их повторение заставляет призадуматься о причинах, к ним поведшим

*) Интересная статья г. Сапира заключает в себе, однако, ряд спорных положений, которые остаются, разумеется, целиком на ответственности автора. Ред.

и проверить в свете накопленного опыта традиционные представления.

Шансы подлинной революции в условиях демократии чрезвычайно невелики. В демократическом государстве отсутствует отчужденность между народом и правительством. Специфическая плебейская ненависть, являющаяся могущественнейшим психологическим фактором революции, не концентрируется на носителе власти, по своему происхождению в той или иной степени связанных с народом. Политической жизнью охвачены более или менее все активные слои населения. Участники политической игры известны заранее. Такая же определенность существует заранее по поводу интересов различных классов общества. Но если в критические эпохи эти элементы демократического строя оказываются недостаточно эластичными, чтобы предотвратить напор, идущий с низов, если рамки буржуазно-капиталистического строя препятствуют разрешению противоречий общественного развития, на сцену выступает вооруженная сила государства: армия и полиция. Нужны совершенно исключительные обстоятельства, как например проигранная война (и то не всегда см. подавление Парижской Коммуны), чтобы войска оказались на стороне восставшего народа. Как правило, ружья и пулеметы стреляют по указаниям кадрового офицерства, воспитанного в духе подчинения «законному» правительству. Против же регулярной армии народное движение в современном государстве бессильно. Прав оказался Энгельс, предостерегавший в известном предисловии к Марксовой «Борьбе классов во Франции» немецкий пролетариат от открытых столкновений с войсками.

2. Утеря пути к власти.

Различение между революцией и переворотом и попытка учесть шансы той и другого в современном демократическом государстве важны потому, что международный марксизм построил всю свою стратегию на ожидании революции.

Основы стратегии рабочего движения в условиях демократического строя сформулировал Энгельс в упомянутом нами выше предисловии к «Борьбе классов во Франции» Маркса. До 1895 г., когда появилось предисловие Энгельса, движение развивалось чисто эмпирически. Существовавшие высказывания первоучителей марксизма имели в виду тактику пролетариата в буржуазной революции, а не в условиях организационной эпохи. Поэтому неправ Бауэр, когда он противопоставляет линию поведения, рекомендованную Коммунистическим Манифестом, линии поведения, намеченной в 1895 г. («Кампф» 1934 г., ном. 1). Обе эти линии, будучи приурочены к разным эпохам, не противоречат, а скорее дополняют одна другую. Еще больше ошибается Бауэр, утверждая в той же статье, что тактика набросанная Марксом в Комм. Ман.*), потерпевшая крушение в Германии в 1848 г. и во Франции в 1848 и 1871 г.г., примененная Лениным, восторжествовала в России в октябре 1917 г. В том то и дело, что русские большевики не пошли путями революционеров 1848 и 1871 г.г. Они не противопоставили в открытой борьбе революционный народ армии и бюрократическому аппарату, а — как мы показали выше, — использовав совершенно исключительно благоприятные условия, подчинив себе наиболее влиятельную часть государственного аппарата страны и опи-

раясь на поддержку войск, совершили классический «бланкистский» переворот. Сейчас трудно сказать, какую тактику имел в виду Маркс: ту, которую применили большевики, или ту, которая повела к июньской бойне 1848 г. и к т. н. кровавой неделе 1871 г. Какой бы ответ ни дали историки на этот вопрос, важно установить, что речь идет о двух совершенно различных приемах борьбы.

Концепция Энгельса необычайно проста и сводится к близкой для меньшевистской идеологии политике использования легальных возможностей («нагуливание красных щек»). В этой концепции революция остается неотъемлемым фактором перехода от капитализма к социализму, но — заимствуя выражение, употребленное в другой связи П. А. Гарви — запрятывается на верхний чердак. Правда, она неизбежна (Каутский — «Путь к власти»). Об ее неизбежности заботятся с одной стороны объективное развитие классовых противоречий и с другой, сами господствующие слои, ведя страну к войне, следствием которой явится народное восстание, либо — в целях предотвращения дальнейшего роста социал-демократии — «отправляя легальность на вакацию», что толкнет рабочее движение на революционную защиту гражданских и политических свобод.

Тут не место критиковать позицию Энгельса. Пустым бахвальством было бы, обладая опытом последних десятилетий, упрекать одного из величайших политических мыслителей 19-го века в том, что он не предвидел послевоенных событий, поразивших своей неожиданностью самых проникательных современников. В изучении стратегии международного социализма XX века концепция Энгельса должна занять надлежащее место ибо она оказала решающее влияние на большинство партий Интернационала и в первую очередь на оплот марксизма: германскую и австрийскую с.-д. Концепция Энгельса была воспринята как освящение парламентарской практики германской с.-д. Левое крыло этой партии, представленное Каутским, совершенно искренне пыталось сохранить революционную идеологию. Но историческая функция каутскианства свелась к примирению т. н. реформистских буден с революционным символом социалистической веры. Излюбленной мыслью Каутского по вопросу о стратегии пролетарской борьбы, нескончаемо варьируемой им самим и его учениками во всех странах, стало положение о том, что революции не делаются, а возникают стихийно: «Мы знаем, что наши цели могут быть достигнуты только путем революции, но мы знаем также, что, как мы не можем сделать революции, так наши противники не в силах ей воспрепятствовать. Поэтому нам вовсе не приходит в голову затеять революцию или готовить ее». («Путь к власти», стр. 31).

Время шло, революция в западно-европейских странах не возникала, господствующие классы под давлением социал-демократии осуществляли одну социальную реформу за другой, росли и множились рабочие организации, пролетариат из слоя париев превращался понемногу в культурный класс общества (явление настолько значительное с общесторической точки зрения, что как велики бы ни были ошибки социал-демократии, эта сторона ее деятельности навсегда останется вписанной золотыми буквами в книгу величайших достижений человечества), идея революции чем дальше тем больше исчезала из практической ориентации рабочих партий. Из создавшегося положения вешей ревизионизм сделал логический вывод, заменив идею революции идеей постепенного вращивания в социализм. Известен резкий отпор данный Беренштейну и марксистским центром и марксистской левой. Все же нельзя отделаться от впечатления, что Беренштейн «вы-

*) По существу ту же тактику содержит и «Письмо к союзу коммунистов», в котором лишь получила четкое развитие мысль о перманентной революции, не чуждая и Коммунистическому Манифесту.

сказал то, что есть». Это подтверждает эволюция, проделанная всем марксистским центром*). Послевоенная социал-демократия ориентируется не на революцию в демократическом государстве, а на вращение этого государства в социализм. Если же т. наз. левый центр не растасал с идеей революции, то он отвел ей чисто дефензивную роль, — роль защиты от покушений буржуазии на демократический строй (Линцская программа). Сторонниками революции остались в рабочем движении европейские коммунисты, не разобравшиеся в смысле событий, приведших большевиков к власти и апеллировавшие с одной стороны к опыту 1917 г. в России а с другой к Марксу периода Ком. Манифеста и знаменитого письма ЦК к Союзу Коммунистов. В настоящей статье нет нужды подробно останавливаться на нереальности коммунистического пути к власти в Зап. Европе. Кроме поражений Коминтерну нечего вписать в текущий счет своих европейских секций*). Гораздо трагичнее для нас, что и путь к власти, намеченный демократическим социализмом и восходящий в своей основе к предисловию Энгельса, оказался так же мало реальным, как и путь избранный Коминтерном. **В потере пути к власти** альфа и омега кризиса современного социализма.

Абстрактно мысля, тактика, рассчитанная на вращение, вовсе не должна непременно привести к крушению. Абстрактно мысля, можно вполне себе представить постепенное превращение современного государства в «свободную ассоциацию производителей». Но «гладко писано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходит». Впрочем, нельзя сказать, чтобы овраги, были забыты. Сколько угодно имеется указаний у всех идеологов марксизма на вероятность срыва процесса постепенного вращения. Все же, если бы не мировая война, потрясшая до основания буржуазно-капиталистический строй, мирное органическое развитие может быть стало бы фактом. Опыт северных стран говорит как будто в пользу такого предположения. Если бы социал-демократия Австрии и Германии не проворонила революцию 1918-го года, кто знает, может быть покойный Беренштейн оказался бы прав. Но война, сознательное нежелание австрийской и германской социал-демократии — пусть исходя из самых лучших и научно обоснованных мотивов — использовать шанс, предоставленный им историей, изменили всю ситуацию. Ныне и скандинавские страны не могут считать себя оазисом политики вращения в Европе. Их судьба в гораздо большей степени зависит от внешне политических условий и от развития событий во Франции и в Англии, чем от собственной внутриполитической обстановки.

Допуская абстрактную возможность иного, чем то было в действительности, поведения австрийской и германской партии в революции, мы оставили без вни-

*) Левым и правым. Теория Бауера не отличается ничем существенным от теории Каутского. «Австрийская революция» первого построена на тех же принципах, что «Пролетарская революция и ее программа» второго.

*) Исключение представляет французская секция Коминтерна, круто повернувшая руль в конце 1934 г.

мания состояние пролетариата этих стран накануне решающих событий 1918 г. и в период последних 13-14 лет. Объективные условия благоприятствовали самым серьезным сдвигам в общественной и хозяйственной структуре Австрии и Германии, наоборот психологическое состояние пролетариата затрудняло подобные преобразования. Тем самым мы вовсе не высказываемся за отпущение грехов руководителям обеих революций. Кому много дано, с того много спросится*).

Ориентация на вращение имела совершенно неожиданный результат. Если абстрактная возможность вращения демократического государства в социализм остается вопросом спорным, то бесспорен факт «вращения в капитализм» организованного пролетариата Германии и Австрии в до и в послевоенный период. «Обуржуазивание» не только политической практики, но и повседневной жизни рабочих партий (в гораздо меньшей степени в Австрии, где благодаря наличию в партии большого количества крупных интеллектуальных сил и совершенно исключительной по своему значению работе венского муниципалитета сильно сказывались противоборствующие тенденции) зашло так далеко, что втуне остались попытки разных групп, стремившихся к обновлению партии, и не пустило корней многообещающее юношеское движение.

«Вращение в капитализм» имело и другое последствие: необычайный консерватизм и духовную опустошенность социал-демократии (опять таки речь идет главным образом о Германии. В Австрии с.д. уже много лет до разгрома была отброшена на положение оппозиции, что заставляло ее прислушиваться к биению пульса жизни). Официальная идеология германской с.д., особенно в экономических вопросах, мало чем отличалась от самого заскоружлого либерализма. И это в условиях полной расшатки общественно-хозяйственных устоев, когда кризис требовал — даже во имя сохранения капиталистического строя — от важных и исключительных решений. Таким образом, как это ни парадоксально, стратегия, построенная на идее вращения, лишила германскую с.д. не только возможности способствовать вращению веймарской республики в социализм (этого вряд ли кто из реалистически мыслящих людей ждал от нее), но и содействовать сохранению буржуазно-демократического строя.

Б. Сапир.

(Окончание следует).

*) Точно также как Маркс и Энгельс, отдавая себе отчет в объективных трудностях революции 48 г. во Франции, не щадили в своей критике деятелей Временного Правительства, точно также современное рабочее движение не может и не должно забыть прегрешений австрийских и германских Ламартинов и Ледрю-Ролленов. Интересы будущего требуют четкой оценки того, что произошло в прошлом. Поэтому недостаточны социологические анализы, неизбежны и персональные приговоры. Мы сознательно обходим вопрос об ответственности за 20-ое июля в Берлине и за февральское поражение в Вене. Заключительные и трагические аккорды, вызвавшие чувство глубокой скорби и сочувствия во всех подлинных социалистах, к каким бы течениям они ни принадлежали, могут быть поняты лишь в связи со всей эпопеей, начавшейся после падения династий Габсбургов и Гогенцоллернов.

В РАБ. СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

ЗАСЕДАНИЕ БЮРО РСИ.

15 — 18 августа в Брюсселе под председательством Де-Брукера состоялась очередная сессия Бюро Исполкома РСИ. Нашу партию представлял т. Абрамович.

Приняв к сведению письменный отчет секретаря Адлера за период со времени последнего заседания, Исполком перешел к обсуждению вопроса об опасности войны, преимущественно под углом зрения итальянско-абиссинского конфликта.

Итальянская делегация представила по этому вопросу подробный доклад, а также внесла ряд предложений практического характера. После обстоятельных прений вопрос был передан в комиссию, которая к концу заседания представила проект резолюции, принятой, после повторной дискуссии, всеми голосами при одном воздержавшемся: т. Альтер от Польского Бунда (Резолюция эта печатается в этом № С. В. особо).

Социалистическая и коммунистическая партии Италии предполагают созвать за границей конгресс итальянцев для про-

теста против итальянского нападения на Абиссинию. По приглашению социалистической партии Италии Исполком постановил послать на этот съезд своих представителей.

Социалистическая партия Франции внесла предложение поставить в порядок дня Исполкома вопрос об установлении сношений между РСИ и Коминтерном на предмет исследования предпосылок и условий совместного выступления в международном масштабе против войны и фашизма и для защиты демократических свобод. Исполком постановил поставить эти проблемы в порядок дня своего ближайшего заседания и поручить секретариату представить письменный доклад о тех изменениях, которые произошли в Коммунистическом Интернационале, как в его общей позиции, нашедшей свое выражение в «21 условиях», так и в особенности в вопросе о значении для пролетариата демократических свобод. Доклад этот должен быть составлен, как только появятся полные отчеты о происходящем ныне VII конгрессе Коминтерна.

**

В связи с новой волной террора и погромов в гитлеровской Германии была после короткого обмена мнений единогласно принята следующая резолюция протеста:

«Раб. Соц. Интернационал вновь со всей силой клеймит варварскую систему угнетений и преследований, которым в гитлеровской Германии подвергаются миллионы людей и жестокость которых напоминает самые мрачные времена средневековья.

«Социалисты, коммунисты, пацифисты, демократы, республиканцы попрежнему подвергаются истязаниям в концлагерях. Их убивают тайком, как социалдемократического профсоюзного вождя **Гуземана**, их присуждают к смертной казни без судебных гарантий и без защитника, как коммунистического депутата **Кафзера**.

«Ссылаясь на расовую теорию, которая, если бы она была принята всеми, осудила бы человечество на вечную войну, господствующий в Германии режим исключает из государственного союза свыше миллиона граждан, мужчин и женщин, старцев и юношей, только за то, что они еврейского происхождения. Он отнимает у них право на работу и равенство, элементарнейшие блага, на которые каждое человеческое существо имеет неотъемлемое право.

«Католиков и протестантов заключают в тюрьмы за их преданность вере.

«Против этого возврата к варварству народы мира должны поднять свой самый страстный протест.

«РСИ обращается ко всем, кто своим молчанием не хочет стать соучастником преступлений, совершаемых гитлеровским режимом над тысячами своих собственных граждан. Диктаторы в Берлине должны знать, что мировая совесть им этих преступлений не простит».

**

Тов. **Ж. Ленгэ** (Франция) обратил внимание Исполкома на те тяжкие преследования, которым подвергаются испанские социалисты, на жестокие приговоры, которые как раз в последние дни были вынесены против руководящих вождей испанского рабочего движения, и на опасность, грозящую тов. **Ларго Кабаллеро**, для которого прокурор требует 30-ти летнего тюремного заключения. РСИ единогласно постановил выразить горячие симпатии испанским социалистам в их героической борьбе против клерикально-фашистской реакции.

(Окончание отчета в след. №).

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Коминтерн на повороте. — «Сам чорт ногу сломит!» — Понижение жизненного уровня рабочих и служащих. — Симптомы брожения. — Социальная дифференциация.

Вопросы международного рабочего движения очень мало занимают сознание рядового партийца. Выполнение производственных заданий, участие ртз в пятидневку в политзанятиях, посвященных исключительно истории партии, — вот и весь круг его партийных интересов. Если он иногда и задумывается над интернациональными проблемами, то только про себя, не рискуя поделиться с кем-либо своими сомнениями; ведь, по этим вопросам последние резолюции предыдущего конгресса явно устарели, а новые еще не готовы. Тут и искусственному политику легко власть в ересь, а еретиков у нас ой как не любят! Лишь на днях мне пришлось поговорить на международные темы с коммунисткой, еще весьма недавно занимавшей видное партийное положение. Передаю почти дословно:

«Тут сам чорт ногу сломит! Ведь, выходит, что во Франции мы должны поддерживать военную промышленность, а во время войны и правительство. Я всегда считала Масарика чуть ли не представителем фашизма и во всяком случае заклятым врагом рабочего класса, а оказывается, что это чепуха. Так скоро усумнишься, не зря ли мы смеялись над немцами за поддержку Брюнинга и, тем более его предшественников!»

Повидимому, открывающийся конгресс Коминтерна не сможет пройти мимо нового курса в международной политике советской власти и вынужден будет его истолковать с точки зрения интересов международного рабочего движения. Несомненно, что между политикой Коминтерна и НКВД существует тесная связь, а политика НКВД вытекает из направления внутренней политики. Правильное понимание и оценка новой линии Коминтерна имеет серьезное значение для международной борьбы пролетариата. Продолжая считать, что проводимая Коминтерном ориентация на единый фронт есть маневр, продиктованный соображениями внешней политики Советского Союза, — мы вместе с тем полагаем, что международное рабочее движение остро нуждается в единстве, и надо использовать все открывающиеся к тому возможности.

Я уже вам писал, что, несмотря на общее улучшение продовольственного вопроса, положение широких масс населения даже несколько ухудшилось. Отказ от системы распределения предметов широкого потребления и продуктов и переход на коммерческую торговлю уже весьма остро ощущаются. Еще недавно несколько пренебрежительное отношение к дензнакам сменилось бережным отношением к рублю. Это характерно для рабочих и служащих, вынужденных все прибавлять за деньги и в бюджете которых натур-выдачи и всякие случайные денежные поступления (премии, дотации, и т. п.) больше уже не занимают места.

Отказ от особых цен в ЗРК резко снизил прожиточный уровень, в первую очередь, рядового рабочего и служащего, которые раньше старались ограничивать свое потребление пределами ассортимента ЗРК. Проводимая госорганами ихозпредприятиями политика резкого сокращения всяких дополнительных расходов, широко применявшихся в последние годы и по существу своему являвшихся дополнительной зарплатой, при сохранении основной зарплаты неизменной, — ведет действительно к некоторому укреплению советского рубля, но в первую очередь за счет рабочего и служащего. Отменяются не только всякие добавочные виды зарплаты и всякие иные виды дополнительных выдоч, узаконенных практикой последних лет, но пересматриваются и сокращаются ставки пенсий, соцстраховые выплаты, сроки отпусков и ряд других выплат, непосредственно вытекающих из кодекса законов о труде (к слову сказать — ныне весьма позабытого!).

Ухудшение материальных условий для значительной части пролетариата начинает сказываться и на политических настроениях. Перелают о брожении, имевшем место на некоторых предприятиях и вызванном исключительно разрывом между ставками зарплаты и рыночными ценами. Говорят, из-за этого было отменено назначенное на весну этого года перезаключение колдоговоров.

Важно отметить некоторые процессы дифференциации внутри рабочего класса и служащих. Уже сейчас среди трудящихся начинает выделяться небольшая часть наиболее квалифицированных работников, оплачиваемых весьма высоко — уровень жизни которых неизмеримо выше уровня большинства населения. Это заслуживает серьезного внимания, так как и среди крестьянства заметно некоторое расслоение «единой» массы колхозников.

1-го августа.

Н.

МОСКВА. — Равнодушное отношение к Конгрессу Коминтерна. — Вместо 21-го условия — одно. — Запоздалое просвещение. — Сталин — вот злорадия дня! — Из вождей в «цари». — Тревога старых большевиков. — Действительные причины расправы с Енукидзе. — Сталин затмевает Ленина. — Фальсификация истории на потребу Сталину.

...Вы следите, конечно, как и мы здесь, в подполье, за процессами на Конгрессе Коминтерна, на котором завершается и идеологически — задним числом — обосновывается тактический поворот «мирового большевизма». Прений, собственно, нет, а есть вариации на ту же тему, заданную Сталиным. Но, странное дело, многие старые «кондовые» большевики, для которых прежние Конгрессы Коминтерна представляли собой не просто парад, как для нас, а некое таинство мировой революции, не проявляют особого интереса к нынешнему Конгрессу.

Тайные оппозиционеры (по официальной терминологии «охранители» разгромленных оппозиций) еще читают — не без злорадства, а то и не без горечи — поворотные речи и новые слова тех старых вождей мирового большевизма, кото-

рые вчера лишь исповедывали и проповедывали как раз противоположные оценки, выводы и директивы.

Один из таких недобитых представителей право-левой оппозиции (Сырцов-Ломинадзе) говорил моему приятелю коммунисту: «Вчера признавали тактику германской компартии стопроцентно правильной, сегодня для стран, угрожаемых по фашизму, стопроцентно правильной признается как раз противоположная тактика. За кого же нас, да что нас, — всех рабочих коммунистов, русских и иностранных, почитают в Кремле, за дураков, что-ли? Ведь в каждом из нас, читая речи на Конгрессе, на душе скребет: что, если бы нынешнюю тактику французских коммунистов Сталин повелел раньше проводить германским коммунистам, — пожалуй, Гитлер не пришел бы к власти в Германии, Дольфус — в Австрии, а испанские рабочие не потерпели бы поражения? Другие «уклонисты» не скрывают своего злорадства: «Посмотрим, как Сталин своих заграничных агентов и адептов, всех этих Кашенов и Торезов, по коалиционным правительствам рассудит, и не только с «социал-фашистами», но и с заурядными буржуазными либералами спасать демократию будет, а на деле себя спасать». Как так себя? — «Да так: прежде было 21 условие для вхождения в Коминтерн, а теперь только одно: слушаться Сталина — во всем и всегда...»

Но, повторяю, старые большевики не оппозиционеры мало интересуются Конгрессом Коминтерна. Международное положение. Новый, пожалуй, нужный маневр. Мировая революция не на носу же. Да и не до нее сейчас. Пока присплет, нашу Сталин слопаёт. Таков смысл досадливых отмахиваний старых большевиков, когда заговариваешь о Конгрессе Коминтерна.

Для них Сталин злоба дня. Для них на Сталине советский мир клином сошелся. Для них Сталин центральная русская и мировая политическая проблема. Куда идет Сталин, точнее, во что превращается Сталин — вот вопрос вопросов.

Мой информатор, периферийный коммунист, но со старыми тюремными и ссылочными личными связями среди старых, опальных и еще в чести находящихся, коммунистов, передавал мне — тоже в порядке дружеских излияний — содержание своих бесед с рядом видных большевиков. Самым крупным политическим фактом последнего времени — таково резюме этих бесед — является не эволюция к нео-непу в экономике и к «добрым нравам» в быту — семейном, школьном, товарищеском, — а эволюция единовластия Сталина. Обожевление Сталина перешло за все границы. Тут не нахождение какое то, не холопский «черезчур» льстецов и угодников, а нечто большее и более опасное — воскрешение искони русской традиции, корнями уходящей в Византию. Сталин — своей волей или силой разбуженной и возглавляемой им национальной стихии — превращается из «вождя» в настоящего царя. Не в имени дело: и Наполеон себя не королем, а императором французам еще при республике провозгласил. Дело в существовании политической функции Сталина в нынешней Советской России. Был белый царь, будет красный царь, а не царь, так чтонибудь другое. Вводит демократию, а сам в царь лезет. Какой же социализм с царем?... Пусть мы преувеличиваем опасность, но где гарантия, что к этому не придет? Не реставрация, а к новому типу автократии на манер фашизма?..

В свете этой эволюции Сталина, которого «несет на трон волна национальной стихии», история с опалой Енукидзе выступает в новом освещении. На чем споткнулся Енукидзе, этот верный из верных, человек без своих идей, но безусловно преданный партии и советскому строю? На уклоне? Нет. На том, что «по глупой честности» или по недогадливости отказался содействовать фальсификации партийной истории для возвеличения Сталина. Задача дня доказать, что Сталин не только в последнее, возглавленное им десятилетие, был «великим», но и всегда, — при Ленине и без Ленина, так сказать, с самого своего политического рождения.

Один большевик — смех сквозь слезы! — полушутя говорил моему приятелю: «Вот пишут, абиссинский Негус обязательно должен вести свой род по прямой линии от царя Соломона. Так вот и Сталин теперь не только набивает себе партийный стаж, но и роль свою в истории партии и революции равняет с ролью Ленина. Читали в «Правде» и «Известиях» статьи по случаю 15-го юбилея успешного завершения гражданской войны? Думаете, что от редакторского усердия Сталин в герои и победители и белых армий, и Антанты возведен, а Троцкий унижен до роли изменника и тайного агента союзников и белогвардейцев? Нет, дело было серьезнее. Буденному, Егорову и Тухачевскому дано было задание: на основании личных воспоминаний и военно-архивных материалов показать и доказать, что война выиграна была единственно военным гением Сталина против «мешавшего», «вставлявшего палки в колеса», «конспирировавшего с генералами и союзными агентами» бездарного Троцкого. Задание было выполнено «стопроцентно» — и не только в газетных статьях, но и в особых докладных записках, предназначенных для высших военных, партийных и советских инстанций». — «Ну, по-

смотрим, если и впрямь война будет, как-то этот великий полководец поведет нашу армию на поле брани!», ехидно вставил мой приятель и продолжал пересказ своей беседы:

«Но и на поприще государственной деятельности роль Сталина после октябрьской революции — натурально им единолично проведенной против болтуна Троцкого и «сдрейфивших» Зиновьева, Рыкова и Каменева — в порядке срочного задания раздувается так, что колоссальная фигура Сталина, устроителя советского государства и зодчего социалистической экономики, начинает уж затмевать Ленина, который оказывается чистым идеологом и на деле чуть не «попутчиком» Сталина».

Но при чем же тут Енукидзе? — спросил мой приятель и услышал в ответ:

«А вот при чем. Сталин родился и работал на Кавказе. Надо, следовательно, доказать: 1) что русская революция в ее активной стадии пошла с Кавказа; 2) что Российская Социал-демократическая Рабочая Партия и до, и после раскола своим станом хребтом имела Кавказскую партийную организацию; 3) что именно в этой организации, а не в голове Ленина, зародилась впервые идея большевизма; и, наконец, — и вещей всего! — 4) что душой, инициатором, идеологом, руководителем этой Кавказской организации был с самого ее зарождения никто иной, как Сталин. Все эти Жордания, Джибладзе, Рамишвили, Чхеидзе, Цхакаи и др. были только так, между прочим, а основоположником и руководителем Кавказской социалдемократии был на самом то деле великий и любимый Сталин».

«Но как быть с фактами? Тем хуже для фактов! В 1930 г. в Советской Энциклопедии была напечатана биография Енукидзе, игравшего заметную роль на Кавказе в подпольный период. Роль его, в соответствии с его сановным положением в партийной и советской иерархии, была, понятно, еще сильно преувеличена. В этой биографии или, точнее, автобиографии о Сталине или вовсе не упоминалось или так, между прочим, в числе многих других. При переиздании этого тома в 1934 г., в связи с предпринятым тем временем пересмотром всей истории революционного движения на предмет возвеличения задним числом Сталина, от Енукидзе потребовали соответственного изменения его автобиографии, впавшей в противоречие с новым толкованием истории. Енукидзе сделал поправку, но... недостаточную! Он отметил и даже подчеркнул роль Сталина, но в ряду других видных деятелей. Сталин это запомнил: в интересах исторической правды Енукидзе отказался, значит, от содействия сотворению исторической легенды. За это он и понес «заслуженную кару», хотя мифотворчеству, как видите, не помешал: чего стоят одни статьи Берия в «Правде», а уж об изданных на Кавказе брошюрах нечего и говорить! В одной из них, изданной в Батуме, говорится, что уже в 1901 году Сталин был руководителем всех кавказских партийных организаций, а на деле он был тогда рядовым пропагандистом, типичным «районщиком», и только».

«Вот действительная причина расправы с Енукидзе. Еще на съезде Советов, после доклада о реформе советской конституции, Енукидзе устроили бурную овацию: весь съезд стоя слушал Интернационал, заглушаемый аплодисментами. А вскоре после этого Енукидзе выскочили в помойку, предвзительно облив грязью и клеветой».

«Передают, что Енукидзе представляет собою сейчас жалкое зрелище: поседел, похудел, плачет. Не опала сама по себе, а оклеветание его личности, ложное объяснение причин расправы вызывают в нем возмущение и чувство горечи и обиды. Одному из своих старых знакомых он сказал: «неужто эта клевета останется на мне навсегда, и я не смогу смыть с себя эти позорящие обвинения? И какое ужасное вероломство: те самые товарищи, которые на съезде советов толпились вокруг меня, аплодировали мне, заискивали, теперь при встречах отворачиваются, не подаю руки!...»

«Надолго-ли хватит этого возмущения? Выдержит-ли Енукидзе или принесет повинную? Оптимистов среди нас, старых большевиков, мало; ведь, все возмущены, но все молчат... и даже публично изъясняются в любви к «великому». Да, в конце концов, напишет-ли Енукидзе покаянное письмо или не напишет, — это не так уж важно. Важно то, что случай с Енукидзе осветил глубину пропасти, в которую нас сталкивает Сталин».

Немало еще интересного передал мне мой приятель из своих бесед со старыми большевиками. Но надо отложить это до другого раза: приходится кончать письмо.

11-го августа.

II.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 3/8, 14/8, 22/8.

Отослано: № 42, 43.